

HAL
open science

ИСТОКИ ОТСТАВАННЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СЛУЧАЙ ОДНОГО РЕГИОНА

Alexander A. Maltsev, Vasiliy Sukhih

► **To cite this version:**

Alexander A. Maltsev, Vasiliy Sukhih. ИСТОКИ ОТСТАВАННЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СЛУЧАЙ ОДНОГО РЕГИОНА. Вопросы теоретической экономики = Theoretical Economics, 2019, 2 (5), pp.82-91. <10.24411/2587-7666-2019-10206>. <hal-04088077>

HAL Id: hal-04088077

<https://u-picardie.hal.science/hal-04088077>

Submitted on 3 May 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Distributed under a Creative Commons Attribution - NonCommercial - NoDerivatives 4.0 International License

А.А. Мальцев

д.э.н., профессор, Уральский государственный экономический университет; ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия; докторант Университета Пикардии им. Жюль Верна, Амьен, Франция

В.В. Сухих

к.э.н., доцент кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

ИСТОКИ ОТСТАВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: СЛУЧАЙ ОДНОГО РЕГИОНА¹

Аннотация. Причины неудовлетворительного состояния российского сообщества экономистов и его невысокой международной репутации многократно обсуждались в литературе. Несмотря на многочисленные исследования, среди специалистов по-прежнему нет консенсуса по поводу возможных факторов, обусловивших отставание российской экономической науки от мировой. С точки зрения авторов статьи, одним из возможных и малоисследованных объяснений природы данного явления выступает внутрипартийная борьба 1920-х гг., приведшая не только к предельной догматизации экономической науки и ее изоляции от глобального экономического дискурса, но и к гиперцентрализации всей системы экономических исследований и подготовки экономистов в нескольких центрах. В данной статье на примере Екатеринбурга / Свердловска 1920-х гг. рассмотрены некоторые идеологические и политические мотивы, лежавшие в основе опасений государства по поводу предоставления регионам возможности развивать экономическую науку и готовить кадры экономических специальностей в высшей школе.

Ключевые слова: *российская экономическая наука, российские экономисты, влияние политики и идеологии на науку, экономические исследования на Урале.*

Классификация JEL: A14, B19.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10206

Если воспользоваться RePEc, крупнейшей на сегодняшний день библиографической базой данных по публикациям в области экономики, то выяснится, что по состоянию на июль 2019 г. в страновом рейтинге, составленном по числу цитирований, Россия занимает 51-е место, пропуская вперед не только Китай, Бразилию и Индию, но и Португалию, Грецию и Сингапур². В чем же кроются причины столь невысокого положения РФ в миро-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-59.2019.6.

Авторы выражают искреннюю признательность В.А. Мальцевой за продуктивные обсуждения отдельных положений настоящей статьи.

² ideas.repec.org/top/top.country.all.html.

вой экономической науке? В литературе на этот счет существует несколько точек зрения. Предельно обобщая, можно выделить три основные интерпретации. Одни исследователи связывают природу «незаметности» российских экономистов в международных научных рейтингах с «догоняющим» характером развития экономики России, вынуждающего импортировать не только институциональные практики, но и экономико-теоретические наработки стран-лидеров мирового хозяйства, оставляющие местным специалистам скромную роль адаптаторов зарубежного концептуального багажа к отечественным хозяйственным реалиям [Федоров, 2001. С. 30–33]. Сторонники второго подхода считают, что решение задачи приближения стандартов занятия экономическими исследованиями в РФ к мировому уровню сдерживает нехватка финансирования и чрезмерная бюрократизация научно-образовательной сферы³. Другие усматривают корень проблемы в последствиях травмы, нанесенной российской экономической науке приходом к власти большевиков и последующим утверждением режима личной власти И.В. Сталина⁴.

Несмотря на различные точки зрения, большинство специалистов согласны с тем, что даже невзирая на огромные потери, причиненные Октябрьской революцией сообществу экономистов, с конца XIX в. и вплоть до конца 1920-х гг. экономическая наука в России в целом развивалась в русле мировых тенденций. Однако сталинский «Великий перелом» 1929 г., как справедливо замечает В. Барнетт, обернулся для нее «настоящей трагедией» [Barnett, 2005. Р. 136]. В 1930–1940-е гг. наряду с физическим уничтожением целой когорты блестящих ученых произошел окончательный разрыв с мировой экономической наукой, последствия которого не удастся преодолеть по сей день.

Полностью разделяя данное мнение, следует заострить внимание еще на одном важном моменте, который, на наш взгляд, позволяет добавить в дискуссию об истоках проблемы недостаточного присутствия российских экономистов в мировой науке малоисследованный аспект. Традиционно принято считать, что 1920-е гг. в плане развития экономических исследований в СССР прошли под знаком относительного свободомыслия [Allison, 2015]. Такая точка зрения представляется полностью оправданной, но при одной оговорке: в экономических дискуссиях 1920-х гг. были слышны голоса преимущественно столичных экономистов, тогда как их коллеги с периферии были практически лишены возможности выразить свое мнение. В данной статье, на примере Свердловской области, мы покажем, чем мотивировалось недопущение властями создания в Екатеринбурге / Свердловске в 1919 – 1928 гг. центра экономических исследований, какое влияние на эти процессы оказали столкновения различных политических группировок и к каким последствиям это привело для занятия экономической наукой на Урале.

Разумеется, подробно осветить данные проблемы в рамках одной статьи невозможно. Кроме того, подробный анализ – по существу поставленных вопросов – требует проведения большой архивной работы, которая только планируется авторами этих строк. Поэтому мы предлагаем рассматривать настоящий материал как своеобразный призыв обратить внимание на необходимость изучения истории занятия экономическими исследованиями в регионах России и повод в очередной раз задуматься о причинах непростой судьбы социальных наук в нашей стране в целом и экономических дисциплин в частности.

³ По-видимому, к этой точке зрения склоняется значительная часть самих российских экономистов. См. подробнее, например: [Мальцев, 2016; 2018].

⁴ См. подробнее, например: [Boldyrev, Kragh, 2015; Melnik, 2018].

Идеологические истоки «москвоцентричности» российской экономической науки

«Экономисты диспропорционально сконцентрированы в Москве», – писали в 1971 г. авторы доклада ЦРУ, посвященного анализу структуры сообщества советских экономистов и обзору деятельности экономических институтов АН СССР, а также советских факультетов экономики [Survey of Soviet Economists, 1971. P. 1]. Спустя без малого 50 лет ситуация изменилась мало. Если вновь обратиться к ресурсам RePEc, то окажется, что в 2016 г. из 66 научно-образовательных учреждений в области экономики, вошедших в топ-25% российского рейтинга, $\frac{3}{4}$ располагались в столице⁵. Безусловно, подобную «москвоцентричность» можно списать на традиционную централизацию всех сторон российской общественной и академической жизни. Однако даже по меркам других наук столь значительное преобладание московских вузов и научных центров выглядит аномальным. Скажем, в рейтинге факультетов российских университетов журнала «Эксперт», делающим особый упор на оценку публикационной активности в международных реферируемых изданиях, доля учреждений, расположенных в Москве, в предметной области «физика и астрономия» в 2016 г. составила 30,4%, в предметной области «математика» – 26,9, в предметной области «химия» и вовсе лишь 25%⁶.

На наш взгляд, истоки подобной централизации в изучении экономики уходят корнями в первые годы становления Советской власти и будут отчасти объяснимы, если принять во внимание перипетии тогдашней внутрипартийной борьбы. В контексте настоящей статьи особый интерес представляют последствия данной политической схватки на развитие и характер занятия экономической наукой в регионах, а именно в Свердловской области. Однако перед тем, как мы перейдем к описанию ситуации с экономическими исследованиями в Екатеринбурге / Свердловске 1920-х гг., следует кратко остановиться на том, что из себя в этот период представлял Средний Урал в экономическом плане и почему к нему было приковано столь большое внимание центральных властей.

Как известно, к началу XX столетия уральская промышленность начала отставать в своем развитии от новых индустриальных центров Юга страны. Несмотря на осознание необходимости модернизации уральской промышленности государством и местным бизнесом, переломить ситуацию долгое время не удавалось. Это привело к череде банкротств, всплеску структурной безработицы и распространению среди уральских рабочих достаточно радикальных политико-экономических взглядов.

Ситуация начала меняться в годы Первой мировой войны, когда потеря польской промышленности и угрозы потери прибалтийской индустрии вынудили правительство и заводоладельцев заняться перестройкой и модернизацией уральских заводов для военных нужд. Советская власть с самых первых дней своего существования также уделяла Уралу особое внимание, которое обуславливалось, прежде всего, географическим положением региона, делающим его неуязвимым для иностранного вторжения. Как замечал в 1923 г. В.Е. Грум-Гржимайло: «Урал есть при наступлении с запада и востока главная военная тыловая база Советской Республики, что делает Урал сосредоточением всей военной промышленности государства» [Грум-Гржимайло, 1923. С. 310]. Это обстоятельство делало Средний Урал индустриальным гарантом существования советского строя и требовало повышенного идеологического контроля за общественными настроениями в стратегически важном регионе.

Данная задача углублялась еще и тем, что Урал оказался в глазах центра крайне неблагонадежной в политическом плане территорией. Дело в том, что именно Урал был

⁵ ideas.repec.org/top/old/1612/top.russia.html.

⁶ Рассчитано по: [Толмачев, Кузнецов, 2016. С. 59, 62, 64].

выбран Л.Д. Троцким в качестве хозяйственного плацдарма, призванного обеспечить влияние его фракции. 15 января 1920 г. на основе III армии РККА была создана Первая революционная армия труда (Уральская трудармия) со штабом в Екатеринбурге. Председателем ее Совета был назначен Троцкий, который лично приехал для ее руководства в феврале 1920 г. За время пребывания на Урале Троцкому удалось заручиться поддержкой местных властей и приступить к обоснованию необходимости создания на Урале независимой от ВСНХ РСФСР хозяйственной структуры, лично подчиненной председателю Совтрудармии. Не получив поддержки Совнаркома, Троцкий впоследствии еще неоднократно лоббировал создание органа, призванного координировать восстановление местной промышленности и ее последующего технического перевооружения. Однако все инициативы, направленные на создание Уральского областного хозяйственного центра, встретили мощное сопротивление, так как в случае его образования Троцкий и его сторонники получали бы контроль над огромными человеческими и материальными ресурсами [Хазиев, 2007. С. 63, 97].

Попытка Троцкого стала наглядным подтверждением опасений центральной власти, что любая хозяйственная самостоятельность регионов несет для нее серьезную угрозу. Впрочем, неприятие рассуждений о региональных особенностях и необходимости учета локальной хозяйственной специфики, по-видимому, было изначально свойственно руководству большевиков, усматривавшему в них лишь прикрытие теоретического и политического ренегатства. Прекрасной иллюстрацией этой позиции является сборник «Ленин об Урале» [Ленин об Урале, 1969], включающий в себя все упоминания основателя партии об Урале и его промышленности. В.И. Ленин охотно берет из сообщений с мест фактические данные, но или критикует, либо совершенно игнорирует теоретические размышления уральцев, заведомо отмечая их как ошибочные.

Неудивительно, что любая инициатива, направленная на расширение экономической самостоятельности регионов, не могла встретить поддержки центральных властей. В свою очередь, опасения по поводу предоставления дополнительных хозяйственных полномочий регионам приводили к тому, что все попытки уральцев начать обсуждение вопросов экономической политики жестко пресекались. Была четко указана граница, которую запрещалось переходить при обсуждении социально-экономических проблем. Скажем, в 1920 и 1921 гг., когда внутри партии шли горячие дискуссии по проблемам экономического строительства и выбора дальнейшего пути развития экономики РСФСР, в «Уральском рабочем» (главной общественно-политической газете Урала, появившейся еще в 1907 г.) практически все статьи, посвященные важнейшим вопросам экономической политики (использования иностранного капитала, народнохозяйственного планирования и путей модернизации промышленности, пр.), принадлежали московским лидерам партии [Андреев, 1920. С. 1; Рыков, 1920. С. 2–3; Троцкий, 1920. С. 2–3].

Несмотря на очевидные преграды, стоящие на пути развития экономической науки, начало 1920-х гг. внушало определенные надежды на возможность интенсификации экономических исследований на Урале⁷. Именно в этот период здесь начала выходить экономическая периодика, направленная на изучение прикладных проблем хозяйственного развития края (в частности, журнал «Промышленный Урал»), издания Уральского промышленного бюро ВСНХ, пр. В 1921 г. вышла книга А.И. Зака «Мировое снабжение углем». Уральское областное статистическое управление не ограничивалось подготовкой сборников статистической информации, но и выпускало различные аналитические обзоры, а его руководитель, будущий академик В.С. Немчинов, в 1923 г. опубликовал книгу «Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие)», в которой обосновал и рассчитал интегральный показатель экономической динамики уральского хозяйства.

⁷ Более подробно об особенностях организации экономических исследований на Среднем Урале в 1920-е гг. говорится в: [Сухих, Важенин, 2019].

В условиях отсутствия научно-исследовательских учреждений, занимавшихся вопросами изучения ресурсной базы Урала и ее использования, в сборе данной информации для нужд образованного в 1921 г. Уралплана помогало Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), созданное в Екатеринбурге еще в 1870 г. Несмотря на эмиграцию и гибель многих своих членов в годы революции и гражданской войны, УОЛЕ к началу 1920-х гг. сохранило разветвленную сеть контактов с отечественными и зарубежными специалистами, что позволило продолжить координацию участия экспертов по различным аспектам (в том числе и хозяйственным) освоения недр и развития промышленности.

Другим важным каналом получения данных о состоянии экономики Урала уральскому руководству виделось развертывание массового краеведческого движения. В 1924 г. появилось Уральское областное бюро краеведения, а спустя год на Урале уже насчитывалось 83 краеведческие организации. Значимость краеведческой информации для экономистов видный специалист по экономике промышленности Урала М.И. Альтшуллер пояснял следующим образом: «В области экономического исследования, – писал экономист в 1927 г., – значение этого массового движения (краеведческого. – А.М, В.С.) увеличивается благодаря тому, что результаты изучения могут иметь быстрое практическое применение... Самые тщательные проекты капитального строительства, самая вдумчивая и глубокая кабинетная разработка вопроса о капитальных вложениях не смогут заменить коллективных сведений и ценных материалов, которые имеются у местного населения» [Альтшуллер, 1927. С. 14].

Не принижая значимости краеведения, нельзя не отметить, что краеведы могли лишь в лучшем случае помочь в сборе экономических данных, тогда для их обработки и последующей интерпретации требовались экономисты, дефицит которых становился все более очевидным по мере восстановления промышленности Урала. Между тем, по данным Уралоблисполкома зимой 1929 года в уральской промышленности насчитывалось лишь 50 инженеров-экономистов, 152 техника-экономиста и 258 так называемых «экономистов – практиков», то есть людей без какого-либо профессионального образования [Из истории Свердловской области, 1982. С. 120]. Подобные цифры наглядно демонстрировали необходимость появления собственного центра подготовки экономистов и проведения экономических исследований.

Преграды на пути появления уральского центра экономического образования

Шансы на обретение Екатеринбургом собственного центра экономической науки появились в 1920 г. с учреждением в городе университета, куда включили пострадавший в годы гражданской войны горный институт. В университете предполагалось создание института общественных наук, призванного, по мысли первого ректора А.П. Пинкевича, «готовить деятелей в области административно-хозяйственной, т.е. дать образованных статистиков, кооператоров, работников в коммунальном хозяйстве и в профессиональных союзах» (цит. по: [Главацкий, 2000. С. 56]). Более того, из телеграммы А.П. Пинкевича В.И. Ленину следует, что ректор считал целесообразным открытие в университете отдельного экономического и административного института. В довершение ко всему, в университете планировалось ввести преподавание политической экономии как части базового курса для студентов всех специальностей.

Однако этим начинаниям оказалось не суждено сбыться. Некоторые крупные советские деятели, такие, как, например, Г.Л. Пятаков, на тот момент зампреда в Уральской армии труда, сразу выступили против образования университета в Екатеринбурге [Главацкий, 2000. С. 39–40]. Если к этому добавить сложности с финансированием и привлечением преподавателей, то становится понятным, почему достаточно

долгое время университет балансировал на грани закрытия, институты в его составе сократились до нескольких факультетов, а экономический и вовсе не был создан.

Но почему в Екатеринбурге в 1920-х гг., учитывая высокую потребность в квалифицированных кадрах в столь важном для советской власти регионе, так и не возник экономический факультет, не появились специализированные научно-исследовательские институты, занимавшиеся экономическими исследованиями? Неужели проблема заключалась лишь в опасениях центра по поводу политической неблагонадежности уральцев, выразившейся, в частности, в связях многих работавших в данном крае экономистов и хозяйственных работников с Троцким?

Безусловно, эти соображения нельзя сбрасывать со счетов. Среди партийной оппозиции и сторонников председателя Реввоенсовета насчитывалось немало видных деятелей, так или иначе связанных с Уралом. Среди них, например, можно выделить А.Г. Белобородова, Н.Н. Крестинского, Е.А. Преображенского, И.Т. Смилгу, Д.Е. Сулимова и многих других влиятельных персон. К тому же необходимо учитывать, что переход к НЭПу встретил отнюдь не безоговорочную поддержку в рядах уральских партийцев. Среди них скорее «преобладали настроения, состоявшие в восприятии НЭПа как временной меры, как политики крайне опасной для господствующего положения большевистской партии» [Азаров, 2015. С. 11]. В этом уральцы, с позиции Москвы, стояли на вполне троцкистских позициях. Согласно воспоминаниям Н.В. Валентинова, Троцкий в апреле 1923 г. в своем докладе на XII съезде партии говорил об опасности, порожденной тем, что «мы вызвали в свет рыночного дьявола». Затем Троцкий вопрошал: «Начинается эпоха капиталистической стихии. И кто знает, не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории *отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?*». Осенью 1923 г. об угрозах, создаваемых НЭПом для социалистической экономики, постоянно говорил заместитель председателя ВСНХ Г.Л. Пятаков: «Зародыши товарной капиталистической системы выросли и грозят неисчислимыми напастями социалистической системе» [Валентинов, 1991. С. 69]. Поэтому с точки зрения Москвы появление в Екатеринбурге центра экономических исследований было чревато созданием опасного прецедента, когда несогласные с ее линией лица могли получить публичную площадку для выражения своей позиции. Неудивительно, что даже в образованном в 1924 г. и занимавшимся подготовкой партийных кадров Урало-Сибирском коммунистическом университете изучение и обсуждение теоретико-экономических вопросов не одобрялось.

У читателей может сложиться впечатление, будто бы все проблемы занятия экономическими исследованиями на Урале в 1920-е гг. сводились исключительно к перипетиям внутрипартийных конфликтов, обострившихся после Гражданской войны, и усугублялись стратегическим характером уральского региона. Однако, на наш взгляд, истоки этих трудностей лежат гораздо глубже и коренятся в самой природе ленинской партии. Если, например, меньшевики признавали плюрализм мнений по вопросам экономического толка, то Ленин последовательно отрицал какое-либо право своих сторонников и тем более оппонентов на самостоятельность в области теории. Уже только поэтому большевики не могли беспристрастно относиться к людям, полностью не разделявшим их убеждения. К своему несчастью многие уральские экономисты имели «неправильный» дореволюционный образовательный бэкграунд либо эсерское прошлое. К числу эсеров, скажем, относились арестованный в 1931 г. М.А. Сигов – преподаватель экономики и истории на рабфаке Уральского политехнического института и расстрелянный в 1941 г.; С.А. Бессонов – ректор Уральского университета в 1924–1925 гг., читавший там курс «Капитализм и пролетарская революция» [Ректоры Уральского государственного университета, 2010. С. 39].

При объяснении факторов, обуславливавших трудности с организацией экономического образования и исследований на Урале, нельзя также недооценивать и такие «прозаичные» причины, как банальную нехватку специалистов. К концу 1926 г. в Уральском

политехническом институте, крупнейшем вузе Свердловска, насчитывалось всего 87 ассистентов, доцентов и профессоров всех специальностей [Суворов, 2008. С. 65]. Кроме того, начавшаяся в 1930-е гг. стремительная индустриализация сделала первоочередной задачей форсированной подготовки инженерно-технических кадров, что привело к «втузизации» высшей школы [Кузьминов, и др., 2013. С.19] – созданию большого числа узкоспециализированных технических вузов. Так, в 1930 г. на базе Уральского политехнического института было создано 9 втузов, что, естественно, привело к размыванию и без того не очень обширной кадровой базы [Мартюшов, Суворов, 2017. С. 94].

Однако Урал, стремительно превращающийся в один из важнейших оборонно-промышленных центров СССР, не мог обходиться без специалистов экономического профиля. Для удовлетворения потребностей края в экономических кадрах в 1935 г. в Уральском индустриальном институте открывается инженерно-экономический факультет, а в 1941 г. в уральском филиале Академии наук создается группа экономических исследований.

Казалось бы, институциональное обособление экономистов должно было дать импульс исследовательской работе в области экономики, однако с начала 1930-х гг. попытки выйти за пределы прикладной сферы на Урале, по сути, практически не предпринимались. Самостоятельный экономический факультет, способный готовить экономистов-теоретиков, появился в Уральском государственном университете только в 1960 г., но уже в 1967 г. на его базе создается Свердловский институт народного хозяйства /СИНХ (ныне Уральский государственный экономический университет), ориентированный преимущественно на подготовку кадров для системы бухгалтерского учета, торговли и общественного питания. Лишь в 1983 г. в Уральском университете открывается первая за пределами Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Томска специальность «Политическая экономия», направленная на подготовку специалистов с фундаментальным – в советском понимании – теоретико-экономическим образованием [Кадочников, 2017. С. 265].

Вместо заключения

К началу 1930-х гг. окончательная сакрализация марксистско-ленинских догм в качестве светской религии резко затруднила обсуждение проблем экономико-теоретического толка. Из-за этого даже в послевоенный период советские экономисты-математики, чьи исследования велись в русле мировых тенденций⁸, были вынуждены «маскировать» свои исследования под прикладную математику и старались избегать концептуальных обобщений [Boldyrev, Kirtchik, 2017]. Заместитель директора ЦЭМИ АН СССР в 1973–1986 гг. Э.Б. Ершов в интервью, взятом у него И.А. Болдыревым и О.И. Кирчик, описывал эту особенность следующим образом: «в Советском Союзе математическое моделирование экономики рассматривалось сквозь призму практического использования, в противном случае оно бы расценивалось как антисоветская деятельность» [Boldyrev, Kirtchik, 2013. Р. 10].

В свою очередь, утверждение отношения к экономической науке как к «служанке партийных установок»⁹ обуславливало необходимость идеологического надзора за деятельностью экономистов. Разумеется, его осуществление облегчалось при нахождении объектов контроля в непосредственной близости от проверяющих. Это обстоятельство вкупе с характерной для России сверхцентрализацией всех ресурсов в нескольких крупных городах во многом обуславливало то, что теоретизирование на экономические темы, изучение зарубежных концепций и мировой экономики стали прерогативой представителей нескольких академических центров, расположенных, главным образом, в Москве и Ленинграде.

⁸ См. подробнее: [Boldyrev, Kirtchik, 2014].

⁹ См. подробнее: [Гловели Г.Д. Политическая экономия. bigenc.ru/economics/text/3154394].

Возрождение экономической науки во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., пожалуй, за исключением образования мощного экономико-математического центра в Новосибирске, мало изменило ситуацию. Советские экономисты, работавшие в регионах, в своей массе были вынуждены заниматься пусть востребованными на местном уровне, но, как правило, весьма далекими от принятых в мире стандартов исследованиями. Хуже того, даже в случае, если бы они захотели овладеть современным экономическим знанием, то им было просто не у кого его приобрести. Репрессии 1930-х гг. нанесли страшный удар и по без того немногочисленной группе носителей мирового экономического дискурса, а выжившие в годы сталинских чисток представители старых дореволюционных традиций получили настолько мощную социальную травму, что зачастую предпочитали уходить в более безопасные в политическом плане предметные области или заниматься защитой существующего status quo.

Таким образом, если представить, что какой-нибудь пытливым экономист из послевоенного Свердловска все-таки смог освоить математические методы анализа (скажем, под началом Ю.Ш. Гуревича – заведующего кафедрой высшей математики СИНХа, в будущем ставшим главным научным сотрудником Microsoft)¹⁰, то узнать что-то о современных достижениях в области экономической теории ему было неоткуда. По понятным причинам возможность восполнить этот пробел появилась лишь в 1990-е гг., когда уральские экономисты вслед за своими столичными коллегами стали пытаться приобщаться к мировой экономической науке. Результаты этого знакомства нуждаются в дополнительном изучении, а пока можно лишь с сожалением говорить о том, что последствия академической изоляции и уничтожения экономистов в 1920 – 1930-е гг. полностью не изжиты даже спустя практически 100 лет. Здесь весьма уместным выглядит замечание А.А. Аузана: «Не надо ученых превращать в лагерную пыль»¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Азаров В.Н. (2015). Политическая жизнь Урала в первые годы НЭПа // Научный диалог. № 4. С. 8–18.
- Альтшуллер М.И. (1927). Элементы экономического исследования в краеведении // Уральское краеведение. Выпуск первый. Свердловск: Издание уральского областного бюро краеведения. С. 14–19.
- Андреев А. (1920). Использование иностранного капитала // Уральский рабочий. № 291. 10 декабря. С. 1.
- Валентинов (Вольский) Н.В. (1991). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник.
- Главацкий М.Е. (2000). История рождения Уральского университета. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Грум-Гржимайло В.Е. (1923). Перспективы Екатеринбурга // Екатеринбург за двести лет (1723–1923) / Под ред. В.М. Быкова. Екатеринбург: Типография «Гранит» акционерного общества «Уралкнига». С. 307–311.
- Из истории Свердловской области: Сб. док. и материалов, 1917–1975. (1982). Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство.
- Кадочников С.М. (2017). Екатеринбург / Под ред. Юдкевич М.М. Другие города. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 264–269.
- Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. (2013). Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-классу» // Вопросы образования. № 4. С. 8–69.
- Ленин об Урале (1969). Свердловск: Средне-Уральское издательство.
- Мальцев А.А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. № 11. С. 135–158.
- Мальцев А.А. (2018). Диаспора экономистов и российская экономическая наука: в поисках точек соприкосновения // Вопросы экономики. № 4. С. 129–148.
- Мартюшов Л.Н., Суворов М.Н. (2017). История образования в России и на Урале. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Ректоры Уральского государственного университета (2010). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Рыков А. (1920). Положение промышленности и меры к ее восстановлению // Уральский рабочий. № 308. 29 дек. С. 2–3.

¹⁰ История кафедры. pm.usue.ru/o-kafedre/istoriya.

¹¹ Москва, Тверская улица, дом 6 – Александр Александрович Аузан. www.youtube.com/watch?v=3mi6L2Tks4U.

- Суворов М.В. (2008). Становление и развитие школы высшего образования на Урале в 1917–1941 гг. // Педагогическое образование. № 2. С. 61–69.
- Сухих В.В., Важенин С.Г. (2019). Особенности организации экономических исследований в 1920-е годы (на примере Екатеринбурга/Свердловска) // Историко-экономические исследования. № 4.
- Толмачев Д., Кузнецов П. (2016). Рейтинг факультетов // Эксперт-Урал. № 23. С. 58–67.
- Троцкий Л.Д. (1920). Путь к единому хозяйственному плану // Уральский рабочий. № 272. 18 нояб. С. 2–3.
- Федоров В.П. (2001). Почему у нас нет великих экономистов? // Экономические стратегии. № 5–6. С. 30–33.
- Хазиев Р.А. (2007). Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах. М.: РОССПЭН, 2007.
- Allison F. (2015). Russia and Ukraine / Barnett V. (Eds.). Routledge Handbook of the History of Global Economic Thought. Pp. 102–111.
- Barnett V. (2005). A History of Russian Economic Thought. L., N.Y.: Routledge.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2013). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union // HSE Working Paper No. WP6/2013/05.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2014). General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich' // History of Political Economy. Vol. 46. Pp. 435–461.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2017). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union: More than a Method, less than a Discipline // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. Vol. 63. Pp. 1–10.
- Boldyrev I., Kragh M. (2015). Issak Rubin: Historian of Economic Thought During the Stalinization of Social Sciences in Soviet Russia // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 37. Issue 3. Pp. 363–386.
- Melnik D. (2018). Repressive Fields: Economic Theory in Late Stalinism and the Leningrad Affair // Hass J. (Eds.). Re-Examining the History of the Russian Economy: A New Analytical Tool from Field Theory. L.: Palgrave Macmillan. Pp. 153–182.
- Survey of Soviet Economists and Economic Research Organizations. (1971). Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence.

Мальцев Александр Андреевич

almalzev@mail.ru

Alexander Maltsev

doctor habilitatus in economics, professor of the Global Economy Department, Ural State University of Economics Yekaterinburg, Russia; leading researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Ural branch) Yekaterinburg, Russia; doctoral candidate, CRIISEA University of Picardie Jules Verne, Amiens, France
almalzev@mail.ru

Сухих Василий Валентинович

vsuhih@mail.ru

Vasiliy Sukhih

PhD in economics, senior researcher, The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Ural branch), Yekaterinburg, Russia; associate professor of the Global Economy Department, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
vsuhih@mail.ru

THE ORIGINS OF THE RUSSIAN ECONOMICS BACKWARDNESS: THE CASE OF ONE REGION¹²

Abstract. The reasons for the poor state of the Russian community of economists and its low international reputation have been widely discussed in the literature. Despite numerous studies, there is lack of consensus among scholars on the issues that caused backwardness of the Russian economics. We believe that one of the possible explanations for this phenomenon is the power struggle of the 1920s within Communist party that led not only to extreme dogmatization of the Soviet economics and its isolation from global economic discourse, but also to the hyper-centralization of economic research and training of economists in several centers. In this article, using the example of Yekaterinburg / Sverdlovsk of the 1920s, we examine the ideological and political motives behind Soviet government fears to provide regions with opportunity to develop economic research and professional training.

Keywords. *Russian economics, Russian economists, influence of politics and ideology on science, economic research in the Ural region.*

JEL Classification: A14, B19.

¹² The article was prepared with the support of the Grant of the President of the Russian Federation for the Young Scientists (Research Project No. MD-59.2019.6).

REFERENCES

- Allison F. (2015). Russia and Ukraine / Barnett V. (Eds.). Routledge Handbook of the History of Global Economic Thought. P. 102–111.
- Al'tshuller M.I. (1927). Jelementy jekonomicheskogo issledovanija v kraevedenii [Elements of economic research in regional studies] // Ural'skoe kraevedenie. Vypusk pervyj. Sverdlovsk Izdanie ural'skogo oblastnogo bjuro kraevedenija. Pp. 14–19.
- Andreev A. (1920). Ispol'zovanie inostrannogo kapitala [Use of foreign capital] // Ural'skij rabochij. № 291. 10 dekabnja. Pp. 1.
- Azarov V.N. (2015). Politicheskaja zhizn' Urala v pervye gody NJePa [Political life of the Urals in the early years of the NEP] // Nauchnyj dialog. № 4. Pp. 8–18.
- Barnett V. (2005). A History of Russian Economic Thought. L., N.Y.: Routledge.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2013). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union // HSE Working Paper No. WP6/2013/05.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2014). General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich' // History of Political Economy. Vol. 46. Pp. 435–461.
- Boldyrev I., Kirtchik O. (2017). The Cultures of Mathematical Economics in the Postwar Soviet Union: More than a Method, less than a Discipline // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. Vol. 63. Pp. 1–10.
- Boldyrev I., Kragh M. (2015). Issak Rubin: Historian of Economic Thought During the Stalinization of Social Sciences in Soviet Russia // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 37. Issue 3. Pp. 363–386.
- Fedorov V.P. (2001). Pochemu u nas net velikih jekonomistov? [Why don't we have great economists?] // Jekonomicheskie strategii. № 5–6. Pp. 30–33.
- Glavackij M.E. (2000). Istorija rozhdenija Ural'skogo universiteta [The history of the birth of the Ural University]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta.
- Grum-Grzhimajlo V.E. (1923). Perspektivy Ekaterinburga // Ekaterinburg za dvesti let (1723–1923) [Prospects of Yekaterinburg // Yekaterinburg for two hundred years (1723–1923)]/ Pod red. V.M. Bykova. Ekaterinburg: Tipografija «Granit» akcionernogo obshhestva «Uralkniga». Pp. 307–311.
- Haziev R.A. (2007). Centralizovannoe upravlenie jekonomikoj na Urale v 1917–1921 godah [Centralized management of the economy in the Urals in 1917–1921]. M.: ROSSPJeN.
- Iz istorii Sverdlovskoj oblasti: sbornik dokumentov i materialov, 1917–1975. [From the history of the Sverdlovsk region: a collection of documents and materials, 1917–1975]. (1982). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kadochnikov S.M. (2017)/ Ekaterinburg [Yekaterinburg] / Pod red. Judkevich M.M. Drugie goroda. M.: Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki». Pp. 264–269.
- Kuz'minov Ja.I., Semenov D.S., Frumin I.D. (2013) Struktura vuzovskoj seti: ot sovetskogo k rossijskomu «master-klassu» [The structure of the university network: from Soviet to Russian “master class”] // Voprosy obrazovanija. № 4. Pp. 8–69.
- Lenin ob Urale [Lenin about the Urals] (1969). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe izdatel'stvo.
- Mal'cev A.A. (2016). Rossijskoe soobshhestvo jekonomistov: osobennosti i perspektivy [Russian community of economists: features and prospects] // Voprosy jekonomiki. № 11. Pp. 135 – 158.
- Mal'cev A.A. (2018). Diaspora jekonomistov i rossijskaja jekonomicheskaja nauka: v poiskah toček soprikosnovenija [Diaspora of economists and Russian economic science: in search of common ground] // Voprosy jekonomiki. № 4. Pp. 129–148.
- Martjushov L.N., Suvorov M.N. (2017). Istorija obrazovanija v Rossii i na Urale [History of education in Russia and the Urals]. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Melnik D. (2018). Repressive Fields: Economic Theory in Late Stalinism and the Leningrad Affair // Hass J. (Eds.). Re-Examining the History of the Russian Economy: A New Analytical Tool from Field Theory. L.: Palgrave Macmillan. Pp. 153–182.
- Rektory Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Rectors of the Ural State University] (2010). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Rykov A. (1920). Polozhenie promyshlennosti i mery k ee vosstanovleniju [The situation in industry and measures for its restoration] // Ural'skij rabochij. № 308. 29 dekab. Pp. 2–3.
- Suhij V.V., Vazhenin S.G. (2019). Osobennosti organizacii jekonomicheskikh issledovanij v 1920-e gody (na primere Ekaterinburga/Sverdlovskaja) [Features of the organization of economic research in the 1920s (by the case of Yekaterinburg / Sverdlovsk)] // Istoriko-jekonomicheskie issledovanija. № 4.
- Survey of Soviet Economists and Economic Research Organizations. (1971). Central Intelligence Agency. Directorate of Intelligence.
- Suvorov M.V. (2008). Stanovlenie i razvitie shkoly vysshego obrazovanija na Urale v 1917–1941 gg. [Formation and development of a higher education in the Urals in 1917–1941]// Pedagogicheskoe obrazovanie. № 2. Pp. 61–69.
- Tolmachev D., Kuznecov P. (2016). Rejting fakul'tetov [Rating of the faculties] // Jekspert-Ural. № 23. Pp. 58–67.
- Trockij L.D. (1920). Put' k edinomu hozjajstvennomu planu [The path to a single economic plan] // Ural'skij rabochij. № 272. 18 nojab. Pp. 2–3.
- Valentinov (Vol'skij) N.V. (1991). Novaja jekonomicheskaja politika i krizis partii posle smerti Lenina: Gody raboty v VSNH vo vremja NJeP [The new economic policy and the crisis of the party after the death of Lenin: Years of work in the Supreme Economic Council during the NEP]. Vospominanija M.: Sovremennik.